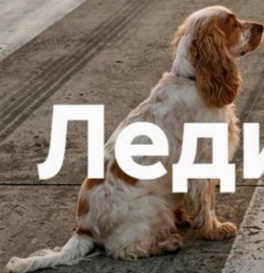

Елена Вереск

Леди-Пилот

Елена Вереск Леди-Пилот

<https://litres.ru/74082531>

SelfPub; 2026

Аннотация

У всего есть своё «год спустя»

Таисии сорок пять. Она — жёсткий кризис-менеджер, привыкший контролировать всё. Ей казалось, что её броня идеальна, но в один знойный день партнёры цинично разбивают её мир в щепки. Внешний успех оборачивается тотальным одиночеством и удушающей горечью.

В ту же секунду её любимый дядюшка, выдающийся авиаконструктор Глеб Яковлевич, попадает в больницу. Прощаясь, он оставляет племяннице странное наследство: эксцентричного спаниеля Жилия, старинный хронограф и погрязшую в долгах авиакомпанию.

Этот крах становится её главным духовным вызовом. Привычные офисные схемы здесь бессильны. Чтобы спасти память о дядюшке и ожить самой, Тае придётся отключить холодный разум, шагнуть сквозь парализующий страх уязвимости, довериться стихии и научиться летать. Ведь только в небе, центрируя внутренний авиагоризонт, можно обрести истинную свободу и настоящую себя.

Содержание

Глава 1 У всего есть год спустя...	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Вереск

Леди-Пилот

Глава 1 У всего есть год спустя...

Тая лежала в мягкой траве на берегу голубого озера. В этой его части почти не было людей, пляж был с другой стороны и вся толпа была там. Да, там классно: мелкий песочек и пологий вход в воду, мель, где можно плюхаться и играть с детьми или питомцами и достаточно большая территория для лежаков, полотенец или пикника. А самое главное — это подъезд: туда легко добраться на машине, велосипеде или другом виде транспорта, который готов двигаться по грунтовой дороге.

Но Таю это тяготило. Сейчас ей по нраву было уединение, поэтому она останавливала машину гораздо раньше пляжа, ещё на шоссе, и пешком через лес добиралась до этого укромного пристанища. Организованного пляжа тут не было, лишь небольшая заводь сразу раскрывала путь к воде. Чуть поодаль находилась пологая лужайка, на которой Таисия и обустроивала свое нехитрое убежище. Небольшой плед, термос с теплой подсоленной водой, немного скромной снеди для себя и пса и книжка, которую всегда хочется перечитывать — «Ночной полет» Антуана де Сент-Экзюпери.

«В жизни нет готовых решений. В жизни есть силы, которые движутся. Нужно их создавать. Тогда придут и решения», — Тае вспомнилась цитата из повести.

«Однако да, готовых ответов действительно не существует, всегда есть альтернатива. Только вот как правильно уловить смысл, чтобы ситуация раскрылась как возможность роста, а не как стагнация?» — думалось молодой женщине.

«Хоть человеческая жизнь и дороже всего, но мы всегда поступаем так, словно в мире существует нечто ещё более ценное, чем человеческая жизнь. Но что?..» — всплыли в памяти слова из другой, давно зачитанной до дыр книги того же автора, словно отвечая на её открытый вопрос.

«Но что?» — эхом повторились в её голове слова героя. За последний год события так стремительно разворачивались, что она иногда не успевала принимать решения. Реальность не оставляла ей выбора. Раз — и она без работы, два — и она ухаживает за любимым дядюшкой в больнице, три — и она не понимает до конца, кто она.

«Может, это просто кризис сорока пяти лет?» — размышляла она, погружаясь в собственные мысли.

Но главные изменения в ней самой случились даже не из-за этих событий. Причина, которая заставила Таю вылезти из своей депрессии и начать-таки менять себя и свою жизнь, сейчас тыкалась мокрым и холодным носом ей в руку. Это был красивейший рыже-белый бретонский спаниель Жиль Байсиль де Бройль (Gilles Baisil de Broglie) — активный мо-

лодой пёс с огромным интересом к миру и отменным аппетитом. Он не давал Таисии скучать, а тем более впадать в грусть. Он был роскошным и требовал постоянной заботы: то кормить, то гулять, то купать, то обнимать.

И вот сейчас он, нагулявшись, уже требовал свою вкусняшку, отрывая её от экзистенциальных мыслей. Тая открыла глаза, приподнялась на одном локте и ласково посмотрела на пса. Он был похож на звенящий волчок, его шерсть отливала чистым золотом, а смешные лохматые уши летали в разные стороны. Складывалось забавное ощущение: если Жиль будет чуть усерднее махать ими, то обязательно взлетит на этих прекрасных ушах.

Сейчас он преданно заглядывал ей в глаза, словно говоря: «Я молодец! Молодец! Я навернул уже несколько кругов, спугнул уток с воды, поднял тысячу брызг и хочу вкусняшку!»

Тая улыбнулась ему, и пёс, чувствуя её расположение, ещё активнее замахал хвостом. Он присел на лапы, уложив голову на её колени, — так ему не терпелось получить лакомство. Хозяйка залезла в холщовую походную сумку и вытащила пакетик со вкусняшками. Вместе с лакомством выпала ещё одна вещь, которая также стала причиной кардинальных перемен в её жизни, но об этом чуть позже. Таисия завела руку за голову и закинула крупное угощение в траву чуть поодаль от себя. Жиль, довольный и счастливый, поняв правила игры, сильными размашистыми прыжками помчался на поис-

ки. Несколько секунд — и он уже летел назад за новой порцией. Так продолжалось несколько раз. Когда Тае немного надоели эти забавы, она просто высыпала остатки лакомства на салфетку и улеглась, наблюдая, как собака с аппетитом жуёт своё угощение.

Наевшись и набегавшись, золотой пёс улёгся на плед рядом с хозяйкой, подпирая её горячим, активно вздымающимся на жаре боком. Жиль был счастлив и тихонько дремал.

Любуясь своим питомцем, Таисия подняла предмет, который выпал у неё из сумки. Это был облегчённый вариант авиационных часов — хронограф, уникальный, сверхточный по своей сути инструмент, способный выдерживать экстремальные условия эксплуатации, но никак не вписывающийся в её жизнь. В литом позолоченном корпусе он составлял идеальную пару с Жилем. Чёрный солидный циферблат и стройные стрелки до сих пор шли верно и надёжно. На обратной стороне была выгравирована надпись: *«Дорогому другу Глебу на долгую память», май 1966 года.*

Этот предмет, так же как и собака, достался ей по наследству. Таковы были условия договора, на которые она с огромным трудом согласилась. Её любимый дядюшка, Глеб Яковлевич, выдающийся авиаконструктор, из-за внезапно пошатнувшегося здоровья попал в больницу, где, как говорят врачи, ему и предстояло провести остаток своих дней. Тая не могла с этим смириться: всегда активный, сильный, статный,

высокоинтеллектуальный, с отменным чувством юмора, он был для неё солнцем и покоем одновременно. И хотя они редко виделись в силу разного уклада жизни, Таисия знала: если что-то произойдёт, она всегда может позвонить любимому Глебушке (так называла его мама Таи) и найти отклик, понимание и дельный совет.

И вот тебе на как гром среди ясного неба: дядюшка в больнице и требует её к себе незамедлительно. Конечно, она помчалась к нему со всех ног прямо с той злополучной подземной парковки. Какой же это был отвратительный день. Ужасный. А тут ещё и это известие о Глебушке.

Когда она зашла в палату, он спал. Тая села рядом и наблюдала за его безмятежным сном. Дядюшка был таким же, как обычно, только более бледным и худощавым, и от этого казался маленьким и беззащитным. «Когда он успел так постареть?» — подумалось Тае. Словно в протест её мыслям, Глеб Яковлевич улыбнулся, открыл глаза и немного приподнялся на кровати. Тая поправила подушку и обняла его. Несмотря на обстановку, в которой им пришлось увидеться, с ним было тепло и надёжно, как всегда.

Дядюшка рассказал, что часы его не бесконечны и есть большая вероятность близкого расставания, а также о том, что оставил ей всё свое наследство. Что именно он передает ей, сказано не было, да и это не важно. Ей было всё равно, потому что желала она только одного — чтобы этот могучий человек жил как можно дольше. А чтобы племяннице не бы-

ло слишком скучно, по условиям договора о наследстве ей следовало переехать в его квартиру и взять заботу о Жиле, который также переходил к ней.

Вот так в один день она стала сразу и безработной, и подставленной лучшими друзьями, и племянницей, у которой уходит любимый дядюшка, и наследницей с золотистой смешной собакой.

Таисия помнила каждый отзвук своих каблучков, пока спускалась к парковке. Она держалась из последних сил: не имела права позволить себе плакать или поддаваться панике, ей нужно было выдержать это максимально достойно. Гулкое эхо полупустой подземки вторило её шагам: стук-стук-стук. Она не чувствовала ни обжигающего холода этого пространства, ни сырости, ни запаха бензина, который обычно бывает в таких тесных боксах. Только адреналиновый ток пульсировал в висках, и было трудно дышать.

Она ледяными, трясущимися руками кое-как нащупала ключи от машины и отключила сигнализацию. Села. Положила сумку на соседнее кресло, завела мотор, включила подогрев сидений и вцепилась в шершавый кожаный руль. В этой глухой темноте полупустая парковка ощущалась ночным аэродромом перед бурей, а замкнутый салон — тесной кабиной почтового самолёта, затерянного в грозовых облаках. Ей, её собственному маленькому экипажу, предстояло лететь вслепую. В этот момент остатки самообладания её покинули, и она расплакалась, сжимая руль так сильно, будто

пыталась его задушить, вложив в это действие весь кортизолный импульс. Горячие слёзы смывали тушь и текли по щекам, прямо на белый шёлковый костюм.

В автомобиле становилось тепло. Сквозь тонкий шелк юбки Таисия чувствовала жар сиденья. Он тонкой рекой передавался в живот, ноги, вверх к груди и рукам. Стопы всё ещё оставались ледяными. Обессиленная и уставшая, она заставила себя отцепиться от руля, обняла его и положила голову на руки. Мыслей не было. Сил двигаться — тоже. Только звуки уезжающих и паркующихся машин пытались развлечь её.

Неизвестно, сколько прошло времени, возможно, она даже задремала. К реальности ее вернули шаги, быстро подходящие к автомобилю. Она инстинктивно заблокировала двери и отключила подогрев сидений. Голова была тяжелой, но ясной. Плакать больше не хотелось.

К машине подошёл её помощник по последнему проекту — Лука. Перспективный молодой человек с очень гибким мышлением, но не всегда видящий суть происходящего. Тая не поднимала головы. Жестом она попросила его уйти и оставить её. Она знала, что он испытывает чувство вины, совесть в нем еще сохранилась, но сейчас она имела полное право не вести эти постпереговорные диалоги.

Лука не уходил. Таисия нажала педаль тормоза, перевела селектор в режим Drive и аккуратно тронулась с места. Ей просто необходимо было дистанцироваться ото всех и по-

быть в уединении. Выезжая с парковки, она резко зажмурилась от ослепляющего солнца, глазам стало больно. Тая снизила скорость, включила аварийку и припарковалась у обочины, чтобы немного прийти в себя. Она поправила растрепавшуюся причёску, достала из сумочки любимый бальзам и нанесла его на губы. Приятная мягкость окутала их, и Тая на секунду задержалась на этом ощущении, уловив лёгкий фруктовый аромат. Голова ныла, хотелось спать и есть. После мощного выброса кортизола организм для компенсации стресса потребовал глюкозы, и желудок голодно заворчал.

В этот момент лежащий на соседнем кресле телефон коротко пискнул, приняв сообщение. «Глебушка в больнице. Срочно приезжай!» — известие от мамы обрушилось на неё обжигающей горячей волной. Мгновение она пыталась осознать прочитанное. Ощущение надвигающейся катастрофы сдавило грудь, перехватывая дыхание. «Ну ещё же ничего страшного не случилось!» — пробовала успокоить себя Таисия. Но вторая адреналиновая волна всё же накрыла её.

Дрожащей ногой она плавно нажала на газ и направила машину в сторону больницы, отчаянно пытаясь унять внутреннюю дрожь. В голове настойчиво крутилась фраза из любимой книги: пилот не рассуждает, когда самолёт теряет высоту, пилот просто делает свою работу. И Тая делала. В таком виде нельзя показываться на глаза Глебушке, да ещё эта тушь на костюме... «Да и пусть с ней!» — подумала Таисия, въезжая в плотный автомобильный поток.

Хронограф в её ладонях тихонько щёлкнул, возвращая Таю из воспоминаний обратно на залитую солнцем лужайку. Жиль сладко сопел под боком, уткнувшись мокрым носом в край пледа. Таисия перевела взгляд на позолоченный корпус часов, которые Глеб Яковлевич передал ей в палате. Дядюшка всегда говорил, что точные приборы не прощают ошибок. В бизнесе, как оказалось, тоже. Теперь, когда Глебушки больше не было, эти часы стали её последней осязаемой нитью с ним.

У всего есть своё «год спустя» Прошёл ровно год, круг замкнулся, но память упрямо утягивала её назад — в такой же знойный день прошлого лета, в тот самый душный офисный кабинет на тридцать четвёртом этаже, где её прежняя жизнь цинично и хладнокровно была разнесена в щепки.

Тая пришла на рабочее место вовремя, часы на письменном столе показывали ровно 10:00. Она села в уютное, уже полюбившееся ей кресло, включила ноутбук и перевела взгляд за окно. Из кабинета открывался шикарный, залитый тёплым светом вид на залив, где-то вдалеке виднелись макушки деревьев и прибрежная песочная полоса. Таисия словно центрировала пространство по авиагоризонту. Создавалось впечатление абсолютной гармонии. «Что на небе, то и на земле», — вспомнилась ей фраза знаменитого философа. Всё, что она создавала на этом рабочем месте, отличалось точностью и соразмерностью, как в природе. Она была мастером своего дела и знала это.

Внезапно неприятно закололо под ложечкой. Ноутбук завис, отказываясь впускать её в корпоративное приложение. Цепкие лапы холодного адреналина сомкнулись в солнечном сплетении, дыхание сбилось. Тело предчувствовало опасность раньше разума. Тая встала и, несмотря на налившуюся свинцом тяжесть в ногах, подошла к окну. «Один, два, три, четыре», — она начала отсчёт и вдохнула носом жаркий офисный воздух. «Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь», — задержка дыхания. «Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь», — она запустила долгий, медленный выдох. Семь подходов — и в голове стало яснее, спазм в солнечном сплетении отпустил, по телу разлилось спасительное тепло. Теперь можно идти к секретарю.

Но внезапная встреча в дверях не позволила ей осуществить свой замысел. В кабинет ворвался взъерошенный Лука — её помощник, талантливый, но недалёковидный молодой человек, амбициозный и плохо разбирающийся в людях. Его уникальный дар заключался в хладнокровном анализе большого количества цифр, он мог за ночь сверстать огромный цифровой массив и не допустить ни одной ошибки, но стратегическим видением он не обладал. Обычно спокойный и немного угрюмый, он был взволнован и отводил глаза. Напряжение нарастало.

— Таисия Михайловна, вас Влад приглашает в переговорную.

Тая уже считала по поведению помощника, что разговор

предстоит непростой. Ровно три года назад она пришла в этот холдинг как кризис-менеджер. Не обладая пробивным, ураганным запасом сил, она тем не менее была гениальным штурманом. Благодаря стратегическому мышлению, глубокому масштабному взгляду на вещи и эмпатии она безошибочно считывала скрытые течения и могла с точностью до девяноста пяти процентов определить, кто и как поведёт себя через полгода или год.

А Влад был настоящим выносливым бизнесменом. У него всегда было много идей, он умел договариваться практически со всеми и точно знал, чего хочет. Он знал куда, она знала, как направить его мощный потенциал. Это был идеальный симбиоз штурмана и безудержного мотора.

За первый этап работы она вывела компанию из крутого пике, за второй — они вместе вышли на стабильное плато, а за третий — они удвоили обороты. И прямо сейчас они успешно разрабатывали новый крупный инвестиционный проект.

Таисия молча последовала за Лукой. Даже воздух в офисе был наэлектризован напряжением: сотрудники, здороваясь, спешно отводили глаза. Создавалось липкое ощущение, что о грядущем знали абсолютно все, кроме неё. За три года она стала неотъемлемой частью этого коллектива, и люди искренне любили её за отзывчивость и мудрость. С ней всегда можно было поговорить по душам — о чём-то простом, тёплом и житейском.

Лука открыл дверь в переговорную, и она вошла. Стук её каблучков разрезал нависшее молчание. Летние шёлковые брюки от сквозняка приоткрытого окна колыхались, словно паруса лёгкой спортивной яхты. «Четыре семь восемь», — мысленно отсчитывала она своё дыхание. Влад, непривычно строгий, стоял у стола, словно проигравший мировую войну полководец. На его лице почти не было эмоций, но внутри их бушевал миллион. Он знал, что поступает дурно, но всё равно считал, что для компании так будет выгоднее. А ещё он искренне верил, что заботится о Таисии. Всё существо Таи считывало эту фальшь. Он хорошо играл. Влад смотрел на Таю такими идеально честными глазами, что неподготовленный человек поверил бы ему безоговорочно. Искренне вздохнув, он произнёс с глубокой грустью:

— Тая, я принял непростое для себя решение. Этот проект стоил тебе слишком дорого: ты устала, потеряла концентрацию. Прости, если моя забота о тебе тихая и незаметная, а ты хочешь большего. Я не могу тебе этого дать. Твои доступы сегодня в девять утра аннулированы. Луке будет проще вести операционку. Он молодой, пусть пашет. Думаю, выходной пакет тебя устроит. — Влад передвинул тяжёлую кожаную папку по лакированному дорожному столу. — Вот приглашение.

«Забота», — Тая мысленно повторила это слово, чувствуя, как внутри разливается ледяная, ядовитая горечь. Её даже тошнило от этого лицемерия. Она безжалостно считывала

вала и обнажала всю изнанку чужого мнимого благодеяния. Влад просто закрывал баланс. Он взял от неё всё — её связи, её интеллект, её видение. Она вычистила весь его бизнес-хаос, перевела холдинг в огромный плюс. Знающий слишком много кризис-менеджер пугал его. И Влад убирал её, но упаковывал этот циничный поступок в красивую обёртку «заботы», чтобы самому остаться чистеньким перед собственной совестью.

Но даже не этот удар был самым сильным. Больнее всего было от того, что новый инвестиционный проект теперь будет вести Лука. То, что она создала с нуля, оставалось только внедрить. «Трус», — хлётко ударила она мыслью в пространство, но вслух ничего не произнесла. Она вообще больше ни единого слова в этом офисе не сказала. Её голос для них был закрыт навсегда. И никакой выходной пакет не мог заглушить то липкое ощущение предательства, которое она испытывала сейчас.

Она взяла тяжёлую золотую ручку и подписала соглашение, даже не взглянув на него. Медленно поднялась, собирая остатки самообладания, и, тихо прикрыв за собой дверь, вышла. Удушающая боль пекла грудь. Это была злость — не на Влада, на себя.

«Я ведь знала, — думала она, собирая вещи в своём кабинете. — Знала всё с первой секунды. Видела, как грубо он берёт и как мало отдаёт взамен. Как я могла себя предать?»

Ответ был простым и страшным в своей наготе: она па-

нически боялась собственной уязвимости. Боялась остаться нераспознанной, невостребованной. Ей казалось, что если она совершит чудо и реанимирует этот тонущий бизнес, Влад наконец-то оценит её по-настоящему. Заметит её как личность, как человека, а не только её функционал. Она добровольно шла на поводу у его манипуляций, позволяя бездумно забирать её ресурсы и ничего не отдавать взамен, думая, что за эту жертвенность её наконец-то признают. Но это был просто бизнес. Только бизнес и ничего личного.

«Меня просто использовали как идеальный, дорогой инструмент, который выбрасывают в чулан сразу же, как только механизм снова заработал», — с этими мыслями Тая спустилась на парковку.

Механизм её прошлой жизни действительно сломался в тот день навсегда. Но прямо сейчас, год спустя, на тихом берегу заводи работал совсем другой закон бытия. Жиль во сне глубоко вздохнул, его золотистый бок мерно поднялся и опустился, ещё плотнее прижимаясь к Таисии. Это живое, безусловное тепло окончательно рассеяло душный морок воспоминаний. Тая перевела взгляд с сопящего пса на зажатый в руке хронограф. Часы дядюшки Глеба шли ровно, безжалостно отсчитывая секунды от её прежнего краха к её новому, пока ещё совершенно непонятному будущему.

Ей необходимо было сменить позу: от долгого лежания затекли рука и ноги, да и послеполуденное солнце вовсю припекало левый бок. Стоило ей пошевелиться, как Жиль тут

же подскочил как ошпаренный. Спросонья ничего не понимая, он принялся носиться вокруг и громко лаять, оповещая всех, что он здесь — громкий, весёлый и смешной пёс.

Таисия негромко рассмеялась, глядя на повадки питомца. Её белокурые волосы растрепались, она мягко помассировала затёкшую руку. Жиль, окончательно проснувшись, требовал игры. Он нежно прикусил хлопковую брючину Таисии, приглашая её присоединиться к его веселью. Этот незамысловатый жест пса снова вернул Таю к утру того самого дня, когда она, собираясь на работу, надевала шёлковый костюм роскошного молочного цвета.

Будильник зазвонил ровно в 7:00, но Таисия уже не спала. Она волновалась. Сегодня — подписание договора, и она окончательно войдёт в состав учредителей нового инвестиционного проекта, над которым они с Владом и Лукой работали последний год. Это будет её первая серьёзная победа.

Ещё немного понежившись в шёлковых простынях, она заставила себя встать. Тело будто устроило бунт. «Это всё волнение, просто волнение», — уговаривала она себя. «Четыре семь восемь», — этой технике её научил Глеб Яковлевич, когда она, ещё совсем молоденькая студентка, переживая из-за предстоящих экзаменов, пришла к нему за советом.

— Таюшка, это очень просто, — рассказывал ей дядюшка, по-доброму улыбаясь и глядя на любимую племянницу. — Четыре секунды — вдох, на семь — пауза, на восемь — выдох. Это самое сильное успокоительное дыхание, оно га-

сит адреналиновую бурю. А это, знаешь ли, крайне важный навык для пилота.

«Четыре, семь, восемь», — отсчитывала Таисия, выходя из ванной комнаты. Прохладный душ и дыхание сделали своё дело: адреналиновый протест тела прошёл. Однако состояние всё равно оставалось немного плотным. Завтракать не хотелось.

Она стояла на балконе, глядя на просыпающийся город, и пила тёплую, почти обжигающую язык воду. Это были минуты её релакса. Наблюдая за жизнью с высоты десятого этажа, чувствуешь себя героем Экзюпери, летящим над Буэнос-Айресом. Ветер, словно подслушав мысли Таи, шальной волной ворвался в открытое окно и кокетливо заиграл с её волосами. Зажмурившись и полностью доверившись стихии, Таисия чувствовала горячие поцелуи солнца на щеках. Знойный ветер обнимал её, и мурашки прокатились от макушки до самых пят. Она открыла глаза и встряхнулась, как бы сбрасывая с себя эти нежные ощущения. Пора собираться в офис.

В этот решающий день, который не предвещал катастрофы, она выбрала безупречный наряд — шёлковый брючный костюм, идеально сидящий по фигуре, и изящные лодочки на высокой шпильке в тон. «Быть красивой в двадцать лет — это естественно. Но когда вы красивы в тридцать пять или сорок пять — это уже жизненная позиция», — эти слова её любимой актрисы Моники Беллуччи Тая сделала своим девизом. И ей это удавалось.

С юности она многое поняла про себя: что любит, какой режим ей подходит и какие вещи выигрышно смотрятся, что дало ей невероятную фору перед сверстницами. Проницательность и стратегическое видение позволяли легко вести любые дела, её ценили и уважали. Единственное, что всегда оставалось в тени осознания Таисии, — это почему она так часто ошибалась в выборе партнёров. Почему раз за разом испытывала удушающую горечь от чужого предательства, будто специально притягивая людей, готовых её использовать.

Чувствуя сильную уязвимость, она приняла решение идти сквозь свои страхи, рассчитывая только на холодный профессионализм. И вот, казалось, ей повезло. Влад стал тем самым искренним, видящим в ней мастера человеком. «Сегодня моя жизнь изменится навсегда», — думала Таисия, глядя в зеркало. Безупречная, утончённая леди с красивыми голубыми глазами серьёзно смотрела на неё из отражения. Да, этот день действительно был задуман для тотального разворота жизни Таисии, но в какую именно сторону — она не могла догадаться даже на миллиметр.

Хронограф в её руке негромко звякнул, отсчитывая ровно шесть часов вечера, и Тая окончательно вернулась в реальность. «Всё время — шесть часов, и всё время — пора пить чай!» — вспомнились ей слова из любимой сказки.

Жиль одобрительно твякнул, подтверждая, что полностью готов к трапезе. Они перекусили, немного искупались, поиг-

рали и в целом отлично провели время. Мысли о том злополучном дне больше не посещали Таисию — она была готова к новой главе своей жизни. Впереди ждало официальное вступление в наследство, нужно было что-то решать с работой и со всем остальным.

Тёплое вечернее солнце провожало её машину в город, цепляясь лучами за зеркала заднего вида. В какое именно будущее она едет, Тая не предполагала, но на душе было удивительно хорошо. Из магнитолы лился новый хит, заставляя её сердце биться по-особенному:

Не грусти, моя девочка, боль пройдёт

Ты найдёшь навсегда опору,

И однажды отправишься в первый полёт

Твои крылья придутся впору

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.